

The background is a deep blue gradient. It is decorated with several stylized jellyfish in various colors (purple, blue, green, yellow) and sizes. Some jellyfish have long, flowing tentacles, while others are more compact. Scattered throughout the background are numerous small, solid-colored circles in shades of blue, yellow, and pink, resembling bubbles or stars.

ДЕТЕКТИВ НА МОРЕ

Татяна УСТИНОВА

Галина РОМАНОВА

Дарья КАЛИНИНА

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Дарья Калинина

Детектив на море

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Детектив на море / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2022 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-169827-0

Остросюжетные рассказы, вошедшие в этот сборник, объединены одной темой — их действие разворачивается на морском берегу. И неважно, идет ли речь об экзотическом курорте или родном черноморском побережье. Главное — это загадочные события, которые прерывают спокойный отдых и заставляют героев почувствовать себя настоящими частными детективами. Татьяна Устинова, Галина Романова, Дарья Калинина и другие популярные писатели показывают себя с новой стороны: не только как мастера острого сюжета, но и как талантливые писатели-маринисты! Целый год мы с нетерпением ждем летнего отпуска, чтобы наконец увидеть море, удобно устроиться на шезлонге под зонтиком и забыть обо всем под плеск ласковых волн. А компанию составят любимые писатели, чьи рассказы вошли в новый сборник «Детектив на море». Ведь где, как не на солнечном курортном берегу, кроются самые жгучие тайны! В сборник входят рассказы: Александр Руж - Дом потерянных шагов Елена Логунова - Юстас- Алексу Татьяна Устинова - Лучше не бывает Ольга Баскова - Опасное погружение Галина Романова - В полосе прибоя Дарья Калинина — Бабушка с секретом

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169827-0

© Калинина Д. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Александр Руж. Дом потерянных шагов	7
Елена Логунова. Юстас – Алексу	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сборник Детектив на море

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Александр Руж. Дом потерянных шагов

Г. К. Честертону, с поклоном

Начало лета 1849 года на французском побережье Средиземного моря выдалось нежарким. Знаменитая Ривьера встречала гостей неприветливыми ветрами и частыми ливнями, а традиционно солнечное галлийское небо застилали неопрятно-лохматые сизые тучи.

Все эти прелести в полной мере изведали на себе путешественники из России: отставной военный инженер Алексей Петрович Максимов и его супруга Анита, урожденная Моррьентес, испанка по крови, но, как выразился бы лирик, русская душой. В поездке по Европе, длившейся с прошлого года, их сопровождала служанка Вероника – горничная, кухарка, прачка... словом, единая во многих ипостасях прислуга.

До приезда на взморье они около полугода прожили в Париже. Пересидели зимнее ненастье, весеннюю распутицу и двинулись дальше. Рассчитывали направиться напрямик на восток, в Швейцарию, но Алекс уговорил Аниту опуститься чуть южнее и заглянуть в Ниццу. Столько слухов об этом расчудесном городе ходило среди петербургской знати, а он ни разу в нем не бывал!

Ницца разочаровала. Было еще далеко до открытия купального сезона, но Максимов не захотел упускать случай и полез в море. Загромождавшие пляж камни больно давили ему в пятки, он раза два поскользнулся на них, ушиб колено, а когда дохромал до воды, его тотчас же ужалила невесть откуда выплывшая коричневая медуза. Купаться после этого сразу расхотелось. Архитектурные красоты тоже не впечатлили. Кроме того, в Ницце было небезопасно – формально принадлежавшая Сардинскому королевству, она находилась меж двух огней, так как с недавних пор Франция вступила в военный конфликт с Италией из-за Папской области. С апреля французский экспедиционный корпус осаждал Рим, обороняемый горсткой храбрецов, чей командир по фамилии Гарибальди был как раз уроженцем Ривьеры. Испытывая нехватку солдат, он наведывался на малую родину и вербовал добровольцев. Франция как могла препятствовала этому. Короче говоря, обстановка накалялась, и Максимов поспешил увезти Аниту в более спокойное место.

Въезжая вновь на территорию Франции, они столкнулись с оцеплением, состоявшим из национальных гвардейцев. Рослые молодцы, в белых штанах в обтяжку и темных мундирах с двумя рядами надраенных пуговиц, останавливали всех путников и подвергали тщательному обыску. Алекса это возмутило, он принялся отстаивать свои права, но ему, во-первых, втолковали, что из Италии через сардинские земли так и норовят просочиться шпионы, а во-вторых, показали оцетиненные штыками ряды защитников границы, что произвело на него должное впечатление, и он перестал возмущаться.

Тронулись в сторону Марселя, но по пути Вероника, объевшись провансальских фруктов, которые продавались тут по смехотворным ценам, слегла с сильным расстройством. Пришлось задержаться в маленькой рыбацкой деревушке, аккурат на французской границе. Название этого населенного пункта состояло из четырех слов, из них Максимов запомнил лишь два – «Сен» и «Виллаж». По правде говоря, он был даже рад непредвиденной задержке. Большие города с их шумом и суетой утомили его, тянуло побыть на лоне природы, насладиться уединением и тишиной. Он часами просиживал на берегу, который, в отличие от пляжа в Ницце, был песчаным и мягким, как спальное ложе, швырял в морскую пену ракушки и фальшиво напевал: «Белеет парус одинокий...»

Вероника лежала в номере миниатюрной гостиницы с облупившимися потолками и пышным названием «Гранд-Палас», принимала желудочные пилюли, прописанные ей местным аптекарем. А предоставленная самой себе Анита обзревала деревенские достопримечатель-

ности. Зашла в средневековую церквушку, где познакомилась с набожным кюре, побродила среди покосившихся кладбищенских памятников, наведлась в музейчик, который основал и содержал пользовавшийся Веронику аптекарь – один из редких представителей здешней интеллигенции. Музейчик представлял собой комнатку в сельском доме, где за правой стеной проживал сам хозяин со своей экономкой – престарелой матроной, – а за левой бляла, мычала и хрюкала домашняя живность.

Аптекарь со святочным именем Пьер Ноэль обрадовался посетительнице и с сожалением признал, что взлелеянное им детище популярностью не пользуется.

– Темный народ, мадам! – вздыхал он, сопровождая Аниту по загроможденной разнообразными предметами комнатке. – Триста человек – вот и все наше население. Из них хорошо если четверть знает алфавит, а по-настоящему грамотных не наберется и двух десятков... Осторожно, не ушибитесь! Этот булыжник с петроглифами я нашел возле Западной скалы. Видели ее? Она вдаётся в море недалеко от церкви... А это каменное орудие труда доисторического человека. Вы знаете, что люди в этих местах жили еще за триста тысяч лет до Христова Рождества? Я обнаружил их стоянку в пещере за деревней, писал в Академию наук, просил прислать ученых, но мне так и не ответили...

Он трещал без умолку, перескакивая с одного на другое. Повествование о первобытных дикарях перемежалось у него с сетованиями на сына, который давным-давно покинул деревню и в поисках лучшей доли затерялся в бескрайнем мире.

– А ведь с той поры, как умерла моя жена, я был ему и за отца, и за мать... Ночей недосыпал, растил, воспитывал... Что за дети пошли? Неблагодарное племя!

Ознакомившись с плохо освещенной и довольно-таки бестолковой экспозицией, Анита попрощалась со словоохотливым энтузиастом и обнаружила, что достопримечательности Сен-Виллаж-Как-То-Там кончились. Заключительным пунктом обзорной программы значился Бездонный Колодец, или, как его тут прозвали, Пропась Сатаны – провал на дне глинистого оврага. Черную дыру с осыпавшимися и поросшими травой краями показал Аните за пару монет молодой абориген. Он клятвенно уверял, что дыра не имеет дна, хотя никто никогда этого не проверял. Деревенским и в голову не приходило лезть в нее.

– Там нечисть живет, вот вам крест! – божился абориген. – В День Всех Святых оттуда Красный Карлик вылезает, ищет кем поживиться. Честное слово, не вру! Лет пять назад, когда я только-только учился на веслах ходить, он кривого Луи к себе в преисподнюю утащил. Правда! Луи сливянки нарезался да и побрел сдуру ночью к оврагу. Больше его не видели...

В деревне, как и говорил аптекарь, преобладал народец темный и подверженный разного рода предрассудкам. Тот же туземец, что показал Аните Бездонный Колодец, сделал попытку всучить ей счастливую кроличью лапку и четырехлистный клевер, бережно засушенный меж страниц потрепанного требника. А еще, за дополнительную плату, предлагал указать адресок гадалки, которая минувшей весной напроорочила смерть хрому Жану и криворукому Мишелю. Анита вежливо отказалась.

От безысходности она заглянула на почту, где скучали двое служащих: почтальон и цензор, присланный сюда по причине близости деревни к территории враждебного государства. Было видно, что работы у них, как говорят русские, *kot naplakal*.

– Рыбаки не пишут писем, – просветил туристку хмурый почтовик в приплюснутой фуражке. – Они невежественные и нищие. А самая дешевая марка стоит двадцать сантимов, плюс конверт... Кстати, не хотите ли купить марочку? Первая французская, в обороте с января. Про нее мало кому известно, люди не доверяют, а начальство дерет с нас три шкуры – требует, чтобы в ходу было только отечественное. Мода на патриотизм, чтоб ее... – Почтовик оглянулся на цензора, явного чужака в этих краях, и понизил голос: – Премии лишают, грозят зарплату урезать. У деревенской почты и так прибыли никакой, того и гляди разгонят. Купите, а?

Анита сжалилась и приобрела набор марок с профилем богини Цереры – за двадцать сантимов, за сорок и за целый франк.

Завершив осмотр деревушки, она присоединилась к Алексу, который сидел на пока- том валуне, созерцал романтический закат и выглядел умиротворенным, как древнегреческий философ.

– Сможешь так? – Он бросил далеко вперед плоский камешек, и тот вприпрыжку пустился по воде.

– Здесь становится скучно, Алекс, – пожаловалась Анита. – Денек-другой ради Вероники я потерплю, но если не подвернется какого-нибудь приключения, то мы совсем закишем.

– А не ты ли обещала мне в Париже, что не будешь больше лезть в авантюры? – напомнил Максимов. – Лично я предпочел бы путешествовать тихо и мирно – как подобает приличным гражданам приличной страны.

Анита подобрала юбки и сделала попытку пристроиться рядом с ним на валуне, но неожиданно ее внимание привлек некий объект, колыхавшийся в волнах и косо освещенный лучами заходящего светила.

– Глянь! Что это там?

Максимов приставил руку козырьком ко лбу.

– Похоже, бутылка...

– Достань мне ее!

– Вот еще! Стану я собирать всякий хлам...

– Достань! Если бутылка плывет по морю, то это обязательно хлам.

Алекс хмыкнул, подвернул купленные в Париже модные брюки из тонкой шерсти табачного цвета, скинул с ног лакированные боты и по щиколотки зашел в средиземноморские воды. Бутылка плыла мимо, высунув узкое горлышко, заткнутое пробкой и залитое сургучом. Максимов протянул руку, чтобы достать этот стеклянный поплавоч, но расстояние было слишком велико. Помог прибой – он хоть и окатил до подмышек, зато толкнул бутылку в нужном направлении.

– Тысяча чертей! – процитировал Алекс слышанное в Париже ругательство. – Теперь и панталоны сушить, и жилет с рубашкой... А все из-за твоих капризов!

Анита не слушала его. Она выхватила улов, посмотрела через стекло на свет и воскликнула:

– Там записка! Как в романах про пиратов...

– Ага. Думаешь, в ней карта острова, где зарыты сокровища? – проворчал Максимов, снимая насквозь промокшую шелковую жилетку. – Не слыхал я про пиратов, которые делают такие щедрые подарки кому попало.

– Может, не будем рассуждать, а откроем и посмотрим?

Алекс взял у нее находку и повертел, разглядывая.

– Бутылка из-под лафита. Сравнительно новая, даже этикетка не отклеилась. Держу пари, что ее бросили в море не раньше вчерашнего дня. – Он подковырнул сургуч ногтем. – Не поддается. Что ж... Пожертвуем формой ради содержания.

Он коротко размахнулся и хрястнул бутылкой о валун. Горлышко отпало. Анита тонкими пальчиками выудила сложенный вчетверо листок бумаги. Развернула его и увидела накорябанные лиловыми чернилами строчки:

«Перепиши это письмо десять раз, перерисуй Символ Счастья и разошли по разным адресам. Уничтожишь письмо – умрешь страшной смертью».

Под текстом, написанным по-французски, была изображена бесформенная фигура, усеянная квадратиками, точками, прямыми и извилистыми линиями.

– Интересно, какой дурак это придумал? – буркнул Алекс, выжимая жилетку. – И чего ради?

– Вот и мне интересно... – Анита всматривалась в бумагу, словно надеялась вырвать у нее тайну. – Не поленился, написал, нарисовал, запечатал в бутылку, пустил по морю... Столько трудов!

– Надеюсь, ты не собираешься переписывать и перерисовывать всю эту чушь? Тут недалеко есть яма, куда сливают помой...

Невольно приняв морскую ванну прямо в одежде, Максимов сделался недовольным, тем более когда обнаружилось, что он рисковал костюмом совершенно напрасно. Анита, однако, не торопилась избавляться от записки и спрятала ее в свой ридикюль.

– Выкидывать пока не стану. Лучше повременить...

– Вы правильно поступаете, мадам, – прозвучал позади нее чей-то приятный голос.

Анита обернулась. К ней шел высокий подтянутый брюнет, облаченный в походную куртку и короткие штаны, заправленные в гамаши. Вечерний бриз развеивал его длинные волосы, шевелил смолисто-черные усы и топорщил бородку. Брюнет был красив, можно сказать, эффектен, Аните подумалось, что улыбка сделает его неотразимым, но он выглядел серьезным и сосредоточенным.

Подойдя, он с достоинством поклонился и отрекомендовал себя:

– Жан Гаше, коммерсант из Перпиньяна. Прошу прощения, что без церемоний.

Анита ответила ему легким реверансом, а Максимов порозовел, представляя, сколь нелепо смотрится в мокрых брюках, босиком и в прилипшей к телу сорочке. Тем не менее он сумел подавить стыд, по всей форме представил себя и Аниту и даже пошутил касательно бесплатного душа от старины Нептуна. На иронию мсье Гаше не отреагировал, и Аните так и не удалось увидеть его улыбку.

– Вы путешествуете? – уточнил он. – Я тоже. Нас было четверо, мы – компаньоны, держим совместное винное производство. Решили немного встряхнуться, проехать по побережью...

– Вы сказали «было четверо»? – переспросила Анита. – А почему в прошедшем времени?

– Потому что в Тулоне произошла неприятность, если позволительно так выразиться. Один из моих друзей – его звали Гюстав – купил у мальчишки-газетчика на улице свежий номер «Фигаро». А из газеты выпала записка. В ней содержались непонятные загогулины и просьба размножить ее и разослать по десяти адресам.

– Вот такая? – Анита достала из ридикюля и показала мсье Гаше листок, найденный в бутылке.

– В точности. Я потому и подошел к вам. Услышал ваш разговор на тему, которая с недавних пор меня волнует...

– И что стало с вашим приятелем? – нетерпеливо поторопил его Максимов, напяливая еще не просохшую жилетку, дабы придать себе более-менее презентабельный вид.

– Он посмеялся, порвал записку и выбросил ее в первую попавшуюся урну. И в ту же минуту в него врзался ехавший на полной скорости фиакр. Поднялась суматоха, кучер оправдывался тем, что его ослепил луч фонаря на углу... Гюстава свезли в больницу, где он скончался, не приходя в сознание.

– Прискорбная история, – посочувствовал Алекс. – Но это всего лишь совпадение, не находите?

Мсье Гаше не склонен был спорить.

– Согласен. Я не мистик, посещаю кружок материалистов... Но вот что странно. Мы с двумя оставшимися компаньонами отправили нашего несчастного товарища в Перпиньян, где вдова занялась организацией похорон, а сами продолжили путь, поскольку это путешествие было предпринято не только с целью развлечения – мы намеревались договориться с владельцами прибрежных виноградников о поставках сырья для нашей фабрики. И в Марселе я вдруг получаю точно такую же записку...

– От кого? – живо поинтересовалась Анита.

– Не знаю. Нашел в гостиничном номере, на тумбочке возле своей кровати. Портье и горничные клялись, что никто посторонний в комнату не заходил.

– И что вы сделали?

– То же, что и вы: оставил записку до поры при себе. – Мсье Гаше извлек из кармашка для часов плотно сжатый бумажный треугольник. – Хотите сравнить?

Анита убедилась, что записка, попавшая в руки их нового знакомого, идентична той, которую они выловили из моря.

– Один в один, – констатировал Максимов. – Видно, кто-то всерьез занялся одурачиванием населения. Не пойму только, какая от этого выгода?

– В том-то и дело! Человек прилагает усилия, несет определенные расходы – и что он получает? Меня как коммерсанта занимает этот вопрос, но объяснения я так и не придумал.

– А если все куда серьезнее и дело не в выгоде? – предположила Анита.

Максимов снисходительно усмехнулся.

– Нелли! Не думаешь же ты, что бред какого-то сумасшедшего в состоянии повлиять на судьбу? Это антинаучно...

Едва он договорил, как со скалы, располагавшейся метрах в ста и вдававшейся в море, донесся громкий хлопок, сопровождаемый треском, как при электрическом разряде. Все трое одновременно вскинули головы и посмотрели туда. На плоской площадке, венчавшей скалу, виднелось нечто необыкновенное, похожее на уродливое существо, стоявшее на растопыренных негнущихся ногах и свесившее вниз черные обмякшие крылья. Разглядеть его в деталях мешала не слишком удобная позиция – смотреть приходилось снизу вверх, а сбоку светило заходящее солнце, из-за чего каменные уступы отбрасывали длинные причудливые тени.

– Что это? – встревожилась Анита.

– О, не беспокойтесь! – улыбнулся наконец мсье Гаше, продемонстрировав полоску безупречно белых зубов. – Это еще один мой спутник – Эмиль. Он страстный фотограф, вечно таскает с собой аппарат и делает снимки везде, где бывает.

Максимов, сощурившись, смотрел на скалу.

– Но я его не вижу! Там только тренога с фотокамерой...

– Да? – Мсье Гаше помахал рукой и зычно выкрикнул: – Эмиль! Ты где?

Загорланили вспугнутые чайки, но Эмиль не отзывался. Анита заволновалась:

– Пойдемте посмотрим, все ли с ним в порядке. Кажется, вон там подняться проще всего...

С северной стороны скала была во многих местах выщерблена, и по этим природным ступенькам они без труда взобрались на верхнюю плоскую грань. Отсюда открывался великолепный вид как на деревню, так и на морскую гладь, на которой сверкали яркие блики. Истинный фотохудожник без сомнения радовался, отыскав столь удачную точку для съемки. Но где он сам? На краю скалы, ближе к морю, стоял треножник с громоздким ящиком, а то, что Анита приняла за крылья, оказалось непрозрачным покрывалом, которое фотографы набрасывают на голову, готовясь к экспонированию. Теперь оно висело на аппарате и покачивалось от ветра.

– Камера австрийская, – определил хорошо разбиравшийся в технике Алекс. – Фирма «Фохтлендер», объектив со светосилой три и шесть, механическое реле времени, магниевый блиц... Мечта!

– Вы правы, но где Эмиль? – Господин Гаше растерянно обвел взглядом окрестности. – Не мог же он бросить аппарат и убежать!

– Смотрите! – Анита вытащила забившийся под треногу клочок бумаги. – Обрывок... А вот еще один!

Фрагменты разорванного на мелкие части листка ветер разнес по всей площадке. Анита подобрала те из них, что не сдуло в море, сложила воедино и узрела знакомые закорючки, а над ними все то же: «Перепиши... перерисуй... умрешь...»

– Выходит, Эмиль получил такую же записку?

– Да... я же вам недосказал. – Мсье Гаше вытянул из-за обшлага шелковый платочек и промокнул лоб. – Сегодня днем, когда мы приехали сюда, возле деревенского трактира к нам подковылял старик в отрепьях и протянул Эмилю бумажку. Мы не сразу поняли, что это, она была туго свернута и перевязана ниткой. Эмиль подумал, что старик просит милостыню в обмен на какой-нибудь билетик с пожеланиями – знаете, такие достают из шапки попугаи на ярмарках. Пустячок, но поднимает настроение.

– Куда делся этот старик?

– Понятия не имею. Пока мы разворачивали бумажку, он словно испарился. Эмиль по характеру вспыльчив, он был вне себя, когда понял, что именно ему подсунили. Хотел тут же порвать, но посоветился засорять землю возле трактира и сказал, что избавится от этой писанины при первой же возможности.

– Похоже, он собирался развеять ее над морем, – ухмыльнулся Максимов и тотчас посерьезнел, ибо ситуация не располагала к веселью. – А что это там внизу?

Мсье Гаше мгновенно спустился и принес серую накидку, прорезиненную по методу Макинтоша.

– Дождевик Эмиля! Застрял между камнями...

– Такое могло случиться, если ваш Эмиль упал со скалы, – высказал догадку Алекс. – Накидка слетела с него, и ее отнесло на берег, а сам он рухнул в воду. Как считаешь, Нелли?

– Да... вполне, – обронила Анита, погруженная в раздумья. – Умел он плавать?

Господин Гаше пожал плечами.

– Насколько я знаю, не очень. Но проверять не доводилось... По-вашему, он утонул?

Максимов окинул взором беспокойное море.

– Я никого не вижу. А течение здесь быстрое, и рифов немало... Если он при падении приложился о них головой, то я ему не завидую.

– Еще одна смерть? Ну это уж слишком! – всплеснул руками коммерсант из Перпиньяна. – Не хочу в это верить... Давайте поищем внизу. Возможно, он упал на песок... или попросту разыгрывает нас. За ним водятся подобные шуточки.

Они обшарили пляж вокруг скалы, имевшей довольно своеобразную форму. Анита обратила внимание, что на стороне, выходящей к морю, есть небольшое, в полтора человеческих роста, углубление. Того, кто встанет там, невозможно увидеть не только из деревни, но и с берега. Однако никаких следов Эмиля не нашлось. Он как в воду канул. А может, и впрямь канул? Максимов склонялся к выводу, что злополучный фотограф, упав, расшиб себе голову или, оглушенный, потерял сознание и его унесло в пучину.

– Но как он мог упасть? – недоумевал мсье Гаше. – Что за помрачение на него нашло?

Алекс тронул отшлифованную водой скальную стену.

– Скользко... Возился с фотографическим аппаратом, увлекся, нога поехала, и вот...

– Это произошло после того, как он порвал записку? Опять совпадение?

– Так или иначе, необходимо поставить в известность жандармерию, – подвела Анита итог неутешительных розысков и бесплодных гипотез. – Они обязаны принять меры.

Мсье Гаше нанял извозчика на скверной лошаденке и отправился в жандармский участок, располагавшийся в соседнем городке, а Анита уговорила Алекса зайти в трактир, возле которого произошел инцидент со стариком. К сожалению, по приметам, названным господином Гаше, никто не опознал пожилого оборванца. Скорее всего, он был пришлым и, передав записку, убрался восвояси.

Между тем слухи о зловещих посланиях и таинственных смертях уже поползли по деревне. Сплетникам не надо было особо стараться – не отягощенные бременем образованности рыбаки от рождения верили во всевозможную чертовщину, строго придерживались примет и остерегались злых чар. А тут – самое что ни на есть зримое проявление бесовских козней.

Молва об исчезнувшем фотографе передавалась из уст в уста, обрастала леденящими душу и все более нелепыми домыслами.

Господин Гаше вернулся из городка поздно вечером. Он сообщил, что в жандармерии приняли его заявление о пропаже Эмиля Леруа и пообещали завтра прислать сотрудников для обследования береговой линии близ места происшествия. Максимов заметил, что толку ее обследовать нет ни малейшего – если труп не выбросило сегодня до темноты (а в этом он убедился сам, пройдя верст пять туда и обратно), значит, море утащило свою жертву так далеко, что уже не найдешь.

– И что теперь делать? – сокрушался Гаше. – Если так пойдет и дальше, я скоро останусь совсем без компаньонов!

– А кстати, – вспомнил Максимов, – где ваш третий друг? С ним ничего не стряслось?

– С Жоржем? За него я спокоен. Он не ротозей и в обиду себя не даст. Силач, владеет приемами савата, некоторое время назад работал в Сюртэ.

– Так где же он?

– В гостинице. Мы приехали сегодня днем и отправили Жоржа снять комнату – он не романтик, зато прекрасно умеет торговаться, ему всегда делают скидки... А я и Эмиль пошли полюбоваться здешними красотами. Вы уже знаете, чем это обернулось.

– То есть Жорж еще не осведомлен о пропаже Эмиля?

Мсье Гаше раздраженно засопел.

– Я собирался пойти к нему сразу же, но не вы ли настояли, чтобы я безотлагательно ехал к жандармам? Говорили, что дело не терпит промедления...

– Говорили, – признала Анита. – Но теперь не худо бы к нему наведаться. Позвольте пойти вместе с вами? Мы сняли номер в той же гостинице, так что нам по пути.

– Идемте, – охотно согласился мсье Гаше. – Откровенно признаюсь: с недавних пор мне как-то не по себе, так что буду благодарен, если вы составите мне компанию.

«Гранд-Палас» держала дородная хозяйка, потерявшая мужа в пекле Наполеоновских войн. Она подтвердила, что господин, назвавшийся Жоржем Фонтэном, импозантный, седовласый, с тросточкой, очень придиричивый, снял несколько часов назад самую большую комнату для себя и двух своих попутчиков, которые, по его словам, должны подойти позже. При нем было четыре или пять чемоданов – багаж всей группы. Сын хозяйки помог перетаскать вещи в номер, после чего Жорж, сославшись на усталость, отказался от обеда и сказал, что приляжет отдохнуть. Дверь он запер изнутри и попросил не беспокоить. Хозяйка не замечала, чтобы он куда-то выходил – наверное, и сейчас еще спит у себя.

– Я же говорю, за Жоржа переживать не стоит, – с облегчением промолвил мсье Гаше.

Анита, выглядевшая задумчивой, негромко возразила:

– А все же лучше удостовериться, что он жив и здоров... Мало ли что.

Мсье Гаше подошел к двери номера, который снял его компаньон, и побарабанил по ней костяшками пальцев:

– Жорж, ты спишь? Это я, открой! – Не дождавшись реакции, он постучал вторично, уже кулаком. – Жорж! Проснись!

Внутри царила тишина. Максимов кашлянул – происходящее навевало дурные предчувствия.

– Есть у вас запасной ключ? – повернулся он к хозяйке, стоявшей в конце коридора и с любопытством наблюдавшей за действиями посетителей.

– Да, конечно! – Она с готовностью отомкнула дверь, и все гурьбой ввалились в номер.

Переступив порог, Анита угрюмо резюмировала:

– Мы опоздали, господа.

Посреди комнаты на почерневших половицах высилась горка обугленных человеческих костей, а чуть поодаль лежал череп, который пустыми глазницами таранился на вошедших.

Картину дополняли остатки одежды, палка орехового дерева, валявшаяся на кровати шляпа, кое-как сложенные в углу чемоданы и курительная трубка из верескового корня, а также пенсне, на которое Максимов чуть не наступил, протиснувшись поперед Аниты.

– Святая Женестьева! – воскликнула гостиничная хозяйка, заламывая руки. – Какой кошмар!

Максимов оборотился к мсье Гаше и кивнул на кости:

– Это он? Жорж?

Гаше стоял ошеломленный и подавленный. Он бормотал еле слышно:

– В таком виде... трудно узнать... Но это его шляпа, его трость, его пенсне... Определенно он!

Хозяйка, понемногу оправившаяся от потрясения, подтвердила, что перечисленные аксессуары находились при господине, снявшем номер. А поскольку в гостиницу никто более не входил, обгорелые останки могли принадлежать только ему и никому другому.

– Обгорелые? – Анита, сохранявшая рассудительность, обвела взглядом стены, оклеенные выцветшими обоями. – Если бы здесь произошел пожар, сохранились бы следы копоти, а их нет.

На вопрос, чувствовался ли в гостинице запах гари, хозяйка ответила отрицательно. Ни она, ни сын ничего не унюхали, хотя находились в нескольких шагах отсюда – сперва занимались уборкой освобожденных номеров, затем готовили на кухне ужин.

– Что же тогда все это означает? – непонимающе моргал мсье Гаше. – По какой причине Жорж превратился вот в это? – и он патетически простер руку к костям и черепу.

У Максимова уже созрела догадка, и он не замедлил ею поделиться:

– Кислота. Его окатили с ног до головы сильнодействующим реактивом, способным разъесть плоть до основания. Результат налицо.

– Алекс прав. – Анита дотронулась носком туфли до черных крапинок на полу. – Видите? Это брызги попали, они прожгли дерево. На несчастного вылили как минимум ведро кислоты.

– И он снес это молча? – не поверил Гаше. – Не сопротивлялся, не звал на помощь?

– Вероятно, его перед этим оглушили или усыпили... Спросим у Вероники, ведь она здесь, за стеной!

Вероника лежала в соседнем номере, ворочалась на кровати, кишевшей клопами, и постанывала от непрекращавшихся колик. Когда ее уведомили, что в непосредственной близости совершено злодеяние, она закатила наполненные страданием глаза и впала в состояние обморока. Насилу мсье Гаше, обладавший некоторыми лекарскими навыками, привел ее в чувство.

Очнувшись, Вероника заявила, что ничего не слышала – ни воплей, ни звуков борьбы. Разве что шаги и поскрипывание досок, но потом все затихло. Ей удалось слегка заснуть, и она пребывала в полудреме вплоть до момента, когда в комнату вошли ее господа в сопровождении Гаше и гостиничной дамы.

Настала ночь. Гаше заявил, что сегодня к жандармам больше не поедет, тем более что участок наверняка уже закрыт. Хозяйка не настаивала. Побледневшая и трепещущая, она гадала, как лучше поступить: по-тихому избавиться от лежавших в комнате мощей, чтобы не нанести ущерба репутации заведения, или, наоборот, предать случившееся огласке и тем самым привлечь к себе всеобщее внимание. Анита уже догадалась, что толстуха – профессиональная сплетница, виртуозно владеющая умением разносить толки.

Итоги коллективных раздумий подвел Максимов:

– Скрывать нельзя. Это убийство, пусть те, кому положено, займутся расследованием.

– Почему вы решили, что убийство? – спросил все еще находившийся в ступоре мсье Гаше.

– А как иначе? Не сам же он обрек себя на такую жуткую смерть... И где тогда емкость из-под кислоты? Ее унес убийца.

– Которого никто не видел...

– В комнате приоткрыто окно. Он влез через него и тем же способом убрался. Так, Нелли? Анита вынуждена была признать, что логика Алекса безупречна. Оставался лишь один вопрос: если Жоржа убили, то за что?

– Записка... – прошептал мсье Гаше и протянул трясущуюся руку. – Под кроватью...

Листок с закорючками и набившим оскомину предостережением был изорван и наполовину черен – на него тоже попала кислота, превратив часть бумаги в труху. Но в том, что это именно *та* самая записка, никто не сомневался.

– Я и не знал, что Жорж получил ее, – пролепетал коммерсант, сделавшийся неожиданно для себя единоличным владельцем фабрики в Перпиньяне. – Где? От кого?

Ничего не смогла прояснить и хозяйка. Не совладав с расстроенными нервами, она всхлипнула и убежала к себе в каморку.

Максимов, обдумывая собственные теории, подступил к господину Гаше:

– А не вы ли все это подстроили, милейший? У вас была возможность и, что важно, мотив. Устранили партнеров, получили неограниченный доступ к фондам предприятия. Прибыль тоже теперь не нужно делить на четверых...

Этот выпад Гаше парировал вяло, с кислой гримасой:

– Если вы полагаете, что смерть моих компаньонов мне выгодна, то вы ошибаетесь. Между нами составлен договор, согласно которому в случае, если кто-то из нас уйдет из жизни, причитающаяся ему доля прибыли выплачивается его семье. Бессрочно. Я не только не выигрываю от их гибели, но и попадаю в труднейшее положение. Жорж умел великолепно налаживать контакты с поставщиками, Эмиль занимался финансовой стороной, следил, чтобы магазины, куда поставлялось наше вино, выплачивали нам все до последнего су. Гюстав контролировал производство, он потомственный винодел... Отныне все это ляжет на мои плечи. Даже не представляю, как буду справляться!

Анита, поразмыслив, приняла его сторону.

– Твои обвинения беспочвенны, Алекс. Возьмем практическую часть. Если бы господин Гаше задумал устранить своих компаньонов, он бы избрал более простой путь. К чему такой сложный спектакль с записками, обливанием кислотой? И как он умудрился столкнуть со скалы Эмиля, если в тот момент находился с нами?

Максимов сконфуженно потер чело.

– Да, многое пока не поддается объяснению. Разве что сообщники...

– Повторяю: я никого не убивал! – Апатия слетела с мсье Гаше, он занервничал, взбив свои пышные волосы. – Готов присягнуть, если хотите... И заметьте: я тоже получил записку. Моя жизнь может оборваться в любую секунду, как у этих троих.

– Но вы же не уничтожили свой экземпляр, – молвила Анита. – Возможно, поэтому вас и пощадили. Если я правильно понимаю, вам дано время, чтобы выполнить условия, указанные в записке.

– У меня нет намерения выполнять эти дурацкие условия! Переписывать, рассылать... Что за ерунда!

– Вам решать. Но как показывает практика, до беды недалеко...

По настоянию Максимова комнату с черепом и костями заперли, оставив в ней все, как было, до приезда следователей. Закрыли и окно, занавесив его изнутри гардинами, чтобы уберечь интерьер от посторонних взглядов. Господин Гаше коротал ночь в другом номере, благо «Гранд-Палас» не мог похвастать наплывом постояльцев.

Хорошо ли спалось коммерсанту после пережитых потрясений – доподлинно не известно. Что касается Аниты и Алекса, то им было не до сна. Аните чудились шорохи, шаги

за стеной, она то и дело просила супруга выглянуть в коридор и проверить, не вскрыт ли замок в апартаментах покойника. Тревожную атмосферу сгущали вздохи и постанывания болезной Вероники.

Задремали только к утру, но были разбужены гулом голосов под окнами. Максимов отодвинул занавеску, выглянул через засиженное мухами стекло и присвистнул. У гостиницы стояло десятка два зевак из числа деревенских жителей – преимущественно баб и ребятни. Они галдели, сгрудившись у оконницы, за которой располагался номер с бранным прахом Жоржа.

– Н-да!.. – буркнул Алекс, задергивая штору. – Вести в этом захолустье распространяются с невероятной быстротой.

К обеду вся деревенька гудела как улей. А ситуация продолжала раскручиваться, и это лишь подливало масла в огонь. Двое или трое вернувшихся с промысла рыбаков подобрали вблизи от берега бутылки из-под лафита и анжуйского, в которых содержались послания, точь-в-точь схожие с теми, что погубили соратников господина Гаше. Злосчастные ловцы морских даров и не подозревали, в какую передрыгу влипли. Дома они получили выволочку от жен, напуганных кривотолками, однако ругань не могла послужить исправлением содеянного. По мнению старожилов, являвшихся по совместительству главными мракобесами, треклятая записка завладевала всем существом того, в чьи руки попадала. Выбор был невелик: либо выполнить изложенные в ней требования, либо умереть страшной смертью.

Напрасно кюре – самый здравомыслящий и, наряду с аптекарем, просвещенный из поселян – силился образумить махровых невежд. Он даже созвал всех на внеочередную проповедь и призывал отрешиться от предубеждений, но факты свидетельствовали против его разумных речей. Один рыболов по прозвищу Плешивый Гастон, вняв доводам священника, прилюдно, прямо в церкви, изорвал зловещую бумагу. Ближайшей ночью запылал амбар у него во дворе. Гастон, живший бобылем, сумел погасить пожар, но наутро, прокопченный и заикающийся, прибежал к своему родичу, который тоже выловил в море бутылку с недобрим содержимым, выпросил у него записку во временное пользование, переписал ее не десять, а целых двадцать раз (на свое счастье, грамотой он владел в достаточной степени) и разослал по всем известным ему адресам, затратив четыре франка из сбережений, отложенных на черный день.

Пример был заразителен. Вскорости все держатели записок с грозным предостережением сделали то же самое. Ради экономии наиболее сообразительные не покупали конвертов и марок, а просто-напросто разносили копии по домам и подсовывали под двери. Но соседи пришли в боевую готовность и стали встречать непрошенных письмоносцев с дубьем. Да и народонаселения в деревне было слишком мало – эпидемия поразила его меньше чем за сутки. Волей-неволей пришлось пользоваться услугами почтового ведомства.

Возникли затруднения. Они были связаны не только с затратами на пересылку писем, но и с безграмотностью подавляющей доли обывателей. Кюре категорически отверг просьбы пособить в переписывании бесовских рескриптов, поэтому за работу взялись все имевшиеся в наличии деревенские грамотеи. К ним выстраивались очереди, переписывание шло с утра до вечера. Расчет производился по-разному, в зависимости от возможностей заказчика и запросов исполнителя: медяками, куриными яйцами, мукой, виноградной бормотухой. Некоторые переписчики, почуяв наживу, стали задирать цены, но их усовестили, и постепенно установился единый тариф, которого придерживались все.

Впрочем, торжество грамотных длилось недолго. Их необразованные, но сметливые односельчане додумались, что можно просто перерисовывать буквы, не вдаваясь в их смысл. Корябали кто во что горазд, вкривь и вкось, зато тратились только на бумагу и чернила. Если бы еще можно было обойтись без почтовых расходов! Но увы – мало кто из приморских нищелюбодов располагал гужевым транспортом, и разъезжать по городам и весям выходило накладно. К тому же слухок о нехороших записках уже разошелся по окрестностям, и визитеров из Сен-Виллаж-Трам-Пам-Пам встречали как прокаженных.

Эта история серьезно ударила по экономике деревни. Прежде сюда регулярно приезжали скупщики рыбы – они брали оптом свежий улов, за счет чего рыбаки и содержали свои семьи. После того как «записочная зараза» покати́лась снежным комом, набирая обороты и вселяя ужас во всех, кто о ней узнавал, покупатели стали проезжать мимо. Благо южный берег Франции был достаточно велик и на всем протяжении его усеивали десятки деревушек, готовых снабдить морской снедью рестораны и кафе.

Тень полного разорения и голодной смерти нависла над уютным местечком. Все это произошло в считанные дни. Деревенские не знали, на кого обратить свой гнев. Они и рады были бы прекратить безумие, но опасение дьявольской кары, обещанной в анонимных эпистолах, оказалось сильнее страха перед надвигающимся голодом.

Тем временем Веронике стало лучше, и Максимов заговорил о том, чтобы покинуть сей неблагословенный край.

– Здесь скоро вспыхнет бунт, – предрекал он. – Бессмысленный и беспощадный. Крестьяне – они такие... Если не докопаются до причин своего несчастья, то пойдут с кольями на первого встречного, лишь бы выместить злобу и отвести душу. Не желал бы я попасться под горячую руку.

– И ты не хочешь помочь им установить истину? – вопрошала Анита. – Тебе все равно, что они поубивают друг друга?

– Я бы помог, Нелли, но сам не знаю что думать.

У Алекса поначалу зрело подозрение: все это затеяно теми, кто хотел заработать на переписывании чертовых цидулек. Но версия отпала.

– Может, почта? – предположил он неуверенно. – Помнишь, тебе жаловались, что никто не пишет писем и не покупает марок?

– Нет. – Анита покачала головой. – Я сегодня была там. Ты не представляешь, какой сейчас бедлам!

Сонное почтовое царство воистину преобразилось. В тесном помещенье, которое раньше мало кто удостоивал своим посещением, дым стоял коромыслом. Взмывленные служащие не покладая рук просматривали и сортировали корреспонденцию, а она все поступала и поступала. Как будто чума тянула свои щупальца в разные стороны, распространяясь по Франции и ближайшим странам.

– Сил нет, мадам! – сетовал знакомый почтальон. – Совсем недавно я скучал на работе и думал, что буду рад, если ее станет больше. И что же? Не сегодня завтра мне придется уволиться.

– Почему? – удивилась Анита. – Дела у вашей конторы идут великолепно, того и гляди прибавят зарплату.

– Прибавки от нашего начальства не дождешься, мадам. Скупердяи! И потом... – Почтенный служащий поежился и перешел на полупшепот: – У меня ощущение, что я занимаюсь делом, угодным лукавому. Дважды в день я хожу на исповедь, но легче не становится.

– Тогда почему бы вам не выбросить эти письма в печку? Прервите порочную цепочку, и все закончится.

– Не имею права, мадам. Я выполняю свой долг. Люди платят деньги за отправку писем, несут последние гроши... Как я могу их обмануть?

Напоследок почтальон признался, что и сам получил записку с предупреждением. На фоне ежедневно нагнетаемых страстей у него не поднялась рука уничтожить ее. Переписал и разослал – словом, поступил, как все.

– У меня четверо детей, мадам, – оправдывался он. – Если со мной что-нибудь случится, кто будет их обеспечивать?

Анита рассказала об этом Алексу и подытожила:

– Как видишь, алчные почтовики здесь ни при чем. Есть у тебя другое толкование?

– М-м-м...

– Нет, конкурентов из соседних рыбацких деревень тоже оставь в покое. У них бы ума не хватило провернуть эдакую комбинацию. Это проделал человек образованный, умный, умеющий просчитывать последствия.

Пока повсюду властвовало смятение, Анита не бездельничала. Она навестила аптекаря-краеведа и задала ему вопрос, на который тот ответил утвердительно, присовокупив изумленный возглас: «Но как вы узнали?» Она пообещала дать исчерпывающие объяснения, но попозже, и уговорила его съездить в жандармерию. Оттуда аптекарь вернулся в добром расположении духа, хотя и не сказать что ошачтливленный.

Затем Анита воспользовалась одной из купленных марок с изображением Цереры и отправила письмо. Максимов решил, что и она поддалась всеобщему сумасбродству, но письмо было одно-единственное. Отослав его, Анита весь следующий день посвятила прогулкам по пляжу. Ее отчего-то очень интересовала скала, с которой низвергнулся фотограф Эмиль.

События разворачивались с пугающей быстротой. В деревне вдруг осознали, что записки появились с приездом мсье Гаше и его приятелей. Градус общественной напряженности достиг уже точки кипения, поэтому народу было все равно кому мстить. Идея, что виноваты перпиньянцы, оказалась удобной во всех отношениях. Пришлых не жалко, и за них никто не заступится. А то, что у них остался всего один, делало расправу простой донельзя.

Как-то в послеобеденный час под стенами гостиницы собралась разъяренная толпа, вооруженная гарпунами, вилами и выдернутыми из заборов кольями. В дверь и в окна полетели камни, тут и там раздавались призывы выдать приспешника Вельзевула, слугу Люцифера, короче говоря, душепродавца Гаше.

Насмерть перепуганная хозяйка «Гранд-Паласа» прибежала в комнату к своему горемычному жильцу и потребовала, чтобы он немедленно убирался восвояси. Господин Гаше, который на протяжении последних дней пребывал в состоянии депрессии и почти никуда не выходил, ответил, что ему запретили покидать деревню вплоть до окончания расследования. Хозяйка возразила: он может остаться в деревне, но пусть селится у кого-нибудь другого. Ей вовсе не улыбается, чтобы ее добропорядочную гостиницу разнесли вдребезги из-за какого-то чернокнижника.

Анита вступилась за мсье Гаше, но это ни к чему не привело. Хозяйка пригрозила, что прикажет очистить все комнаты. Шут с ней, с прибылью, она все равно никому не достанется, если взбесившийся люд возьмет домишко штурмом и перебьет всех без разбора.

Господин Гаше запахнул куртку, расчесал волосы на пробор перед зеркалом в бронзовой оправе и решительно направился к выходу. Максимов схватил его за руку.

– Куда вы? Вас же там прикончат!

– Я должен выйти, – гордо отвечивал коммерсант, в лице которого не было ни кровинки. – Иначе они прикончат всех.

– Возьмите хотя бы пистолет. Или позвольте мне пойти с вами.

– Ни в коем случае. Возможно, мне удастся их утихомирить.

Он шагнул через порог и сразу попал в кольцо. Засверкали сельскохозяйственные и рыбопромысловые принадлежности, готовые превратиться в орудия убийства. Максимов с револьвером в руке стоял в прихожей, готовый открыть стрельбу, если начнется кровопролитие. Обеспокоенная Анита цепко держала его за рукав и умоляла не горячиться.

– Что вам нужно? – выкрикнул мсье Гаше, глядя вокруг и натываясь на пышущие ненавистью лица.

На него заорали, обвиняя разом во всех смертных грехах. Тогда он, не теряя самообладания, сунул руку за пазуху и вытащил записку, чье содержание было известно всем присутствовавшим. Он развернул ее и воздел над головой, как вымпел.

– Видите? У меня такая же черная метка, как и у вас. Мы в одинаковом положении – за что же вы собираетесь меня убить?

Этот довод не образумил селян. Послышались голоса:

– И что ты будешь с ней делать? Неужто порвешь? Ишь какой смелый!

– Да, порву, – проговорил он твердо, как человек, принявший решение. – Смотрите!

Он демонстративно разодрал окутанную бумагу пополам, сложил обрывки, разодрал повторно и пустил образовавшийся мелкий сор по ветру. Дерзкий поступок охладил пыл мстителей, они зашушукались, стали переглядываться.

– Небось уже разослал? – вякнули из толпы недоверчиво. – Знаем мы таких!

– Я ничего никуда не рассылал, слово дворянина, – отвечивал мсье Гаше. – Можете справиться на почте, там подтвердят.

В этот миг он был прекрасен, и его нельзя было не зауважать. Орава мало-помалу расступилась. По рядам прошелестело:

– Ну его! Он и так покойник... Расходимся!

Ватага рассосалась, унося инвентарь. Господин Гаше постоял в одиночестве, поникший и сторбленный, и возвратился под плесневелые гостиничные своды. Максимов приветствовал его, как героя:

– Здорово вы их! Я уж боялся, что без заварухи не обойдется...

Гаше, точно не услышав его, на деревянных ногах прошел в свой номер и принялся укладывать вещи. К нему робко постучалась хозяйка. Она тоже была впечатлена его поведением и сказала, что вернет половину платы за постой. Он с апломбом отринул ее щедрость и попросил лишь об одном позволении – остаться в гостинице до утра. Пускаться в путь в наступающих сумерках, без провожатых, было небезопасно. Хозяйка скрепя сердце исполнила эту просьбу. Она ничего не имела против мсье Гаше и сдала бы ему номер хоть на год, если бы не опасение стать отщепенкой среди озлобленных земляков.

– Куда же вы пойдете? – осведомилась Анита у коммерсанта, занятого утрамбовыванием в чемодан толстого домашнего халата.

– Переберусь в город, поближе к жандармам. Тюрьма мне не грозит, бежать от правосудия не вижу смысла. А вот защита от линчевания не помешает.

Когда непосредственная опасность перестала угрожать, он уже не смотрелся таким бравым и несгибаемым, как на улице, посреди вооруженной орды. Захлопнув крышку чемодана, он посмотрел на Аниту потухшими глазами и вымолвил вполголоса:

– Как по-вашему, я сделал правильно? Имею в виду то, что избавился от записки.

– А что вас смущает? – задала она встречный вопрос. – Хотите знать, не постигнет ли вас небесное наказание? Это не ко мне... Но поступи вы по-другому, они бы вас попросту растерзали.

– Так и есть, – обреченно поддакнул он и прижал крышку рукой, чтобы запереть чемодан на замки. – Достаточно ли этого оправдания?

– Смотря для кого, – изрекла Анита диалектически, на что он уже не ответил.

А наутро мсье Гаше исчез.

Нет, он не уехал, как было обговорено с вечера. Когда хозяйка «Гранд-Паласа», обуреваемая чувством вины, поскреблась к нему в дверь, чтобы пригласить на прощальный завтрак и немного загладить свою нетактичность, он не отозвался. Она постучала – результат был тот же. Тогда она вышла из гостиницы и заглянула в окно его номера. Рама оказалась приоткрытой, а комната была пуста. Хозяйка, обеспокоившись, взяла на себя смелость и отперла дверь собственным ключом. В качестве свидетелей пригласила Аниту и Алекса – они должны были подтвердить, что у нее нет цели что-нибудь присвоить.

Все вещи находились на тех же местах, что и вчера, когда Анита, пожелав соседу доброй ночи, удалилась к себе. Закрытые чемоданы горой лежали на столике, рядом притулился

пухлый саквояж. Постель не разобрана и не смята – создавалось впечатление, что постоялец в номере не ночевал. Это подтверждалось отсутствием его уличной обуви и верхней одежды.

Анита припомнила, что ночью не слышала дверных щелчков – значит, мсье Гаше выбрался из отеля через окно. Экстравагантный способ, особенно в исполнении уважаемого буржуа.

– Куда это его понесло среди ночи? – пробурчал Максимов.

Через несколько минут загадка разрешилась. Побродив вдоль фасада, Анита обнаружила следы на клумбе, где недавно отцвели тюльпаны. Судя по отпечаткам подошв, господин Гаше (а это был, несомненно, он – Анита узнала ребристые подметки шегольских итальянских ботинок), покинув гостиницу, пошел напрямую через палисадник, влипая в рыхлую землю и напрочь игнорируя удобную гравиевую дорожку. Приставшие к ботинкам комочки черной, сдобренной перегноем почвы выдали его дальнейший маршрут. Перпиньянский негодник держал путь за околицу, причем шагал он напролом, ломая кусты.

Максимов предположил: перед тем как предпринять ночной марш-бросок, мсье Гаше употребил изрядное количество аквитанского коньяку, однако Анита указала на то, что походка, судя по отпечаткам, была ровной, его не мотало, как пьяного.

– Что же он тогда, спал на ходу? – Необъяснимое происшествие дразнило Алекса, задевало самолюбие. – Или какой-нибудь факир явился с Востока и магнетизировал его, как индийскую кобру?

Что тут скажешь? В голове роились мириады предположений, ни одно из которых не выглядело убедительным. Может, зашуганный коммерсант вознамерился втихую покинуть деревню из опасения, что на рассвете неуправляемые полчища с новым воодушевлением пойдут на штурм «Гранд-Паласа»? Но что в таком разе заставило его бросить весь свой багаж и пойти не на тракт, ведущий на запад, к Марселю, или на север, к Парижу, а в густые заросли, где сам черт ногу сломит?

Когда нелегкая привела полночного скитальца в глинистую балку, Анита уже не сомневалась, в какой именно точке побережья завершится этот променад. Еще пяток минут – и они с Алексом, а также сопровождавшая их гостиничная мадам очутились у зиявшего на дне оврага жерла, о чьей дурной славе были наслышаны с первых дней пребывания в деревне. На краю Бездонного Колодца следы мсье Гаше обрывались, зато наличествовал увязший в глине ботинок, подле которого валялись галстучная булавка и лоскут ткани. Все это безусловно принадлежало пропавшему.

Хозяйка отеля, вообразив, как неодолимая сила засасывает беднягу Гаше в тартарары, запричитала, поминая вперемежку Асмодеевых слуг и отрицательных персонажей окситанского фольклора. Анита невежливо прервала ее, спросив, не достанет ли она где-нибудь поблизости факел и крепкую веревку.

Максимов, не сумев с ходу проникнуть в замысел супруги, удивился:

– Зачем они тебе?

– Как зачем? Надо спуститься в колодец. Мне думается, не такой уж он и бездонный.

– И кто туда полезет?

– Ты, конечно. Револьвер у тебя?

Алекс причислял себя к людям неробкого десятка, однако его передернуло при мысли, что надобно по доброй воле соваться в провал, который многие считали логовом Князя Тьмы. А хозяйка, узнав о сумасбродной затее, замахала руками на манер ветряной мельницы и закудахтала что-то на неразборчивом ломбардском диалекте.

– Похоже, она не очень рада. – Максимов достал из кармана золотой. – Эй, сударыня! Веревка, факел – и монета ваша. Нет – мы найдем других помощников.

Вид денег образумил мадам. Она перестала кудахтать и рассудила, очевидно, так: ничего со мной не станется, если я принесу этим чокнутым то, что они требуют. Это же *их* идея,

а не моя. Факел и веревка – предметы сами по себе нейтральные, и если кто-то собирается использовать этот безобидный набор для богомерзкого дела, я тут совершенно ни при чем.

Утешив себя, благочестивая госпожа выхватила у Максимова золотой, и через четверть часа все необходимое было доставлено в овраг. Сама же она, выполнив поручение, стремглав бросилась к жилым дворам, колыхаясь, точно огромный галантин.

– Баба с возу – кобыле легче, – огласил Максимов избитую народную мудрость.

А Анита спрогнозировала: к обеду вся округа будет знать, что заезжего перпиньянца, который дерзнул порвать чертову записку, затянуло в Пропасть Сатаны, куда, без сомнения, отправятся и двое полоумных иностранцев, решивших проследить его путь в недра огненной геенны.

– Пожалуй, после такого даже кюре поверит в силу этих каракулей, – проговорил Алекс, раскручивая веревку и привязывая один ее конец к остроугольной каменюке, лежавшей невдалеке.

– Значит, нам с тобой никак нельзя исчезать. Более того, мы обязаны выяснить, куда подевался наш несчастный друг. Ты готов?

– Да.

Максимов тайком перекрестился, проверил, легко ли открывается специальный клапан под фалдой, где пристроен заряженный револьвер, и, схватившись за веревку, соскользнул в колодец. Анита, нагнувшись, светила ему факелом.

Перебирая мохнатый пеньковый канат, Алекс упирался ботами в стенку колодца и аршин за аршином спускался вниз. Слой глины, выстилавший дно оврага, оказался довольно тонким, под ним шел каменный пласт.

– Занятно! – донесся снизу гулкий голос Максимова. – Здесь со всех сторон выступы. При известной ловкости можно обойтись и без веревки... Жили бы в деревне мужики похрабрее, они бы давно тут все излазили.

Спуск не затянулся. Алекс, преодолев сажени три, очутился в горизонтальном тоннеле, который вел в сторону моря.

– Брось-ка мне факел, Нелли! Хочу посмотреть, что там дальше...

Палка, обмотанная горячей промасленной ветошью, прочертила колодезный мрак и упала к ногам Максимова. Он поднял ее, шагнул в тоннель и скрылся с глаз наблюдавшей сверху Аниты.

Потянулись, как пишут в старомодных романах, томительные минуты ожидания. Анита до рези вглядывалась в беспросветный мрак колодца, пыталась уловить какие-нибудь звуки, но гранитная толща скрадывала все. Волей-неволей накаtywала будоражащая нервы дума: не опрометчиво ли было отправлять Алекса в неизведанное? Вдруг там и правда обитают демоны, которые сейчас обглаживают его кости и пьют теплую кровь...

ТЬфу ты, какая ересь приходит на ум! Прочь ее, прочь! Нет там ни демонов, ни упырей, а есть...

О том, что там есть, поведает Алекс. Вот он, родимый, вышел из тоннеля и, как Прометей, поднял над головой догорающий факел. Кажется, невредим.

– Как ты? – продребезжала в зев колодца Анита. Предательский спазм все-таки сковал гортань, мешая говорить нормально.

Максимов, цепляясь за выщербленную стену, поднялся без помощи веревки. Акробатической сноровки для этого не потребовалось – хватило силы и гибкости, какими мог обладать любой здоровый мужчина средних лет. Отдышавшись и отряхнув запачканный костюм, он приступил к отчету:

– Это какая-то древняя шахта. Кое-где наполовину завалена, но я прошел до конца. Не знаю, кто и для чего ее прорубил... Она выходит к берегу через нору, заросшую травой почти в рост. Снаружи не увидишь...

– А по дороге к морю тебе ничего не встретилось?

– Встретилось. Сбоку от тоннеля есть пещера, вся черная, как могила. И тесная. Размером примерно три шага на два. Я думаю, там держали пленников.

– Почему?

– Больно безрадостный у нее вид. На стенах – что-то наподобие фресок: скелеты, песочные часы, петух... Наверное, все это символизировало скорую казнь. И вот. – Он показал Аните ветхую, расползающуюся в пальцах полоску материи угольного цвета. – Похоже, арестантам перед смертью завязывали глаза.

– А надписей ты нигде не заметил?

Максимов наморщил лоб.

– Да... Под скелетами что-то нацарапано. Латынь или какой-то другой язык. Первое слово «visita», а дальше я не разобрал.

– Тогда все понятно! – Анита заметно повеселела. – Это не камера смертников, а Дом потерянных шагов. В нем не держали приговоренных к казни. Наоборот – готовили людей к обновленной жизни.

– Что?..

– Сразу видно, что ты не увлекался франкмасонством. А ведь в России оно до сих пор в моде, в свое время даже государи императоры состояли в ложах... Скелеты, петухи, песочные часы, чаши с ртутью – все это символизирует бренность бытия. А надпись, которую ты не разобрал, гласит, если перевести ее вкратце, следующее: «Посети недра земли и очистись». В черную комнату приводили кандидатов в масоны, чтобы дать им возможность обдумать сделанный выбор.

Максимов сосредоточенно размышлял – интеллектуальная работа ясно отражалась на его лице.

– Хорошо. Допустим, здесь когда-то собирались масоны. Место уединенное, скрытое от любопытных глаз. Чтобы им никто не мешал, они окружили этот колодец суевериями, но потом все было заброшено... Но какое отношение к нему имеет мсье Гаше?

– Самое непосредственное. Ты разве не разглядел у него на запонке изображение Всевидающего Ока? Он тоже из масонов и, конечно, знал о подземелье.

– И воспользовался тоннелем, чтобы сбежать?

– Боюсь, Алекс, ты не до конца понял, что происходит. Но ничего, скоро поймешь. – Анита что-то подсчитала, глядя в небо, и деловито сообщила: – Мы задержимся здесь еще на три-четыре дня. А то и на неделю.

Максимов не спорил. Он видел, что загадка близка к разрешению. Уезжать в самый интригующий момент просто непростительно.

Ему не терпелось расспросить Аниту, что же такое пришло ей в голову, но тянуть из нее жилы было бесполезно: все равно не расскажет. Теперь остается только ждать.

Как и следовало предполагать, кара, обрушившаяся на мсье Гаше (а хозяйка «Гранд-Паласа» представила его исчезновение именно так), произвела среди рыбаков невероятный фурор. Проклятые записки и раньше наводили на всех панику, а после очередного наглядного подтверждения их злого могущества никто и думать не смел о своеволии. На марки и конверты выгребали даже мелочь из детских копилочек, а почтовое отделение деревни работало с утра до ночи по удлинённому графику. Поэтому когда Анита пришла туда и предложила бескорыстную помощь, ее приняли с радостью, несмотря на то, что это противоречило служебным инструкциям. Ей отвели закуток, и она взялась за сортировку писем, причем так проворно, будто всю жизнь только этим и занималась.

Работая, она развлекала новоявленных коллег рассказами о своих путешествиях по Европе и задавала невинные вопросы: сколько дней идет письмо отсюда до Рима, долго ли

еще продлится штиль на море. Своим обаянием она покорила всех, и главный почтovníк в знак восхищения преподнес ей букетик полевых цветов, чем вызвал ревность Алекса.

Все закончилось через шесть дней. В один из вечеров Анита попросила мужа одеться потеплее и проследовать за ней к морю. Веронику оставили в гостинице укладывать пожитки.

– Неужто с утра едем? – возразовалась служанка, которой до смерти осточертела эта чуждая провинция, где творилось невесть что.

– Очень надеюсь, – уклончиво ответила Анита и поторопила Алекса: – Идем!

У Максимова зрела опаска, что они пойдут к Бездонному Колодцу, что представлялось ему безрассудным. Ночь, деревня объята страхом... В случае чего никто не придет на выручку, хоть закричись.

Однако Анита, покинув гостиницу через черный ход, чтобы не ставить в известность болтливую хозяйку, свернула к морю, что вызвало у Алекса некоторое облегчение. Здесь, по крайней мере, обстановка была не такой устрашающей. Полная луна, напоминавшая парижский уличный фонарь, но многократно увеличенный и подвешенный на недостижимой высоте, освещала глянцевую, подернутую мелкими морщинами акваторию. Дул несильный ветерок, он нес прохладу. Максимов расстегнул шинель. К чему теплая одежда, когда после установившейся позавчера знойной погоды так и хочется подставить себя под освежающие воздушные струи...

– Не очень-то рассупонивайся, – покосилась на него Анита, употребив одно из слышанных в России просторечных слов. – Неизвестно, сколько надо будет дожидаться.

– Чего дожидаться?

Анита приложила палец к губам.

По скрипучему песку они подошли к скале, откуда свергся компаньон господина Гаше. Фотографический аппарат с нее давно убрали, в лунных лучах скала отливала лимонным блеском.

– Ты хочешь подняться? – прошептал Максимов.

– Нет. Нам бы вон туда... – Анита показала на узенькую стежку, которая вела к нише, обращенной к морю. – Но нельзя.

– Почему?

– Спугнем главных действующих лиц. Попробуем занять позицию в партере, но так, чтобы нас не увидели.

Они походили по пляжу и наткнулись на песчаный бархан, наметенный ветром. За ним и укрылись. Максимов, одолеваемый предчувствием большого приключения, держал руку на револьвере и смотрел туда же, куда и Анита, – на море.

Минул час, за ним еще один... Максимов подмерз и, мысленно похвалив супругу за предусмотрительность, закутался в шинель. Дневная духота давно спала, вдоль побережья гулял холодный сквозняк. Или его лихорадило от неизвестности?

Вдруг Анита, которая сидела на песке нахохлившись и походила в своей душегрейке на задремавшую птицу, встрепенулась и едва слышно воскликнула:

– Плынут!

Максимов, который в отличие от нее и впрямь погрузился в сонное забытие, поморгал, протер глаза и разглядел на горизонте силуэт корабля, шедшего к берегу. Корабль ловил всеми парусами малейшие потоки ветра и быстро приближался. Вскоре уже можно было опознать в нем двухмачтовую шхуну американского образца – из тех, что используются, как правило, для каботажных плаваний на небольшие расстояния. Флаг на грот-мачте отсутствовал, по бортам и на носу стояли пушки, что свидетельствовало о ее отнюдь не мирном назначении.

– Интересно, – проговорил Алекс на ухо Аните, – как они собираются причаливать? Тут сплошные рифы... Или шкипер знает эту местность, как свою зюйдвестку?

Не успел он умолкнуть, как в скальной нише вспыхнуло ярчайшее искристое пламя. Это горел фальшфейер – приспособление для подачи световых сигналов, начиненное зажигательной смесью, – да так ослепительно, что не нужно было никакого маяка.

Ни Анита, ни Алекс не могли видеть, кто скрывается в выемке у самой кромки воды. Максимов пополз было по песку вперед, но Анита удержала его, дав понять: еще не время.

Шхуна остановилась прямо напротив скалы, с левого борта спустили шлюпку с четырьмя гребцами, и она понеслась к суше. Вскоре лодка ткнулась в песок, и гребцы убрали весла. Сидевший вместе с ними высокий человек, закутанный в плащ, как испанский идалго, что-то скомандовал и выскочил на берег. Ему навстречу из ниши уже спешил не кто иной, как мсье Гаше. С лоцменом-коммерсантом произошла разительная перемена – в матросской непромокаемой куртке и сапогах до колен он больше смахивал на деревенского мужлана.

Прибывший на шлюпке по-братски обнял его, они негромко засмеялись, и тут Аните вздумалось наконец выступить на сцену. Она встала, стряхнула песчинки и направилась к этим двоим. Алекс не получил распоряжений, но он и так знал, что делать, – с револьвером на изготовку он сопровождал ее в качестве верного телохранителя.

– Добрый вечер, сеньоры! – приветливо произнесла Анита. – Отличная погода, не правда ли?

Лицо мсье Гаше исказилось, он сунул руку под куртку, а гребцы в шлюпке зашевелились, сверкнули вынутые из-под скамеек ружья. Казалось, вот-вот прозвучит сакраментальное «Измена!» и дружный залп скосит непрощенных свидетелей.

Но Анита, ничуть не оробев, устремила взгляд на незнакомца в плаще, словно знала, что он здесь главный и от его слова зависит дальнейшее развитие событий.

– Прикажите своим людям убрать оружие. Вы же не разбойник.

Незнакомцу было лет сорок. Широкий лоб, плавно переходящий в залысину, курчавая борода. Под плащом угадывался военный мундир, на котором Максимов разглядел эмблему франкмасонов – треугольник со зрачком: точно такую, как на запонках у господина Гаше.

– Вы меня знаете? – спросил приезжий не с тревогой, а скорее с любопытством.

– Конечно. Лет десять назад ваши портреты висели на столбах с припиской «Разыскивается приговоренный к виселице». А нынче вы – национальный герой. – Анита склонилась перед ним. – Мое почтение, сеньор Джузеппе. Когда я вас узнала, то поняла, что можно обратиться без экивоков. Вы с вашим благородством не допустите, чтобы нас застрелили.

– Джузеппе? – У Максимова отвисла челюсть, и он опустил револьвер. – Гарибальди?

Теперь-то и он признал этого человека, наделавшего шуму не только в родной Италии, но и далеко за ее пределами, вплоть до Уругвая и Североамериканских Штатов.

– К вашим услугам, – поклонился тот. – А теперь позвольте спросить, кто вы такие и как здесь оказались в этот неурочный час?

Анита представила себя и Алекса, после чего повернулась к господину Гаше:

– А как ваше имя? Ведь мсье Гаше из Перпиньяна в природе не существует. Я нарочно сделала запрос – в этом уважаемом городе никто и слыхом не слыхивал ни о вас, ни о ваших так называемых компаньонах.

– Вас подослали жандармы? – прошипел тот, сжимая рукоять тяжелого американского «кольта», который давно пустил бы в ход, если б получил на то санкцию всемогущего сеньора Джузеппе.

– Мы обыкновенные путешественники. Но я люблю разгадывать маленькие шарады, а ваша привлекла меня своей необычностью.

– Как же вы ее разгадали? Вам кто-то меня выдал?

– Нет, что вы! Я сопоставила факты, только и всего... Мы не видели никого из ваших компаньонов, и я задала себе вопрос: а существовали ли они в реальности? Про первого мы узнали с ваших слов, от второго остались только накидка и фотографическая камера. Но накидку вы

могли бросить заранее, а вспышку на скале легко устроить при помощи химических веществ с замедленной реакцией. Что касается Жоржа, который будто бы снял номер в гостинице... Это были вы сами, только в гриме. Все, что от вас потребовалось, – запереть дверь и выбраться через окно. Несложный трюк, вы его проделывали и после.

– Но пятно от кислоты на полу! – напомнил Максимов. – И главное – череп!

– Череп принадлежал человеку не нашей эпохи, Алекс. Я обратила на это внимание и чуть погодя поинтересовалась у аптекаря, не пропадал ли из его домашнего музея аналогичный экспонат. Он подтвердил. К слову, череп ему вернули в жандармерии, правда, он изрядно попорчен кислотой... Так что все это не более чем инсценировки, устроенные господином Гаше для нас и легковых жителей деревни.

– Но как ему удалось проникнуть в дом аптекаря и найти нужное? – допытывался Алекс. После затянувшегося неведения он дорвался до расспросов и собирался уяснить для себя все тонкости.

– У меня есть гипотеза. Она построена на сходстве глаз, лицевых углов, отдельных жестов... – Анита снова вперила взор в мсье Гаше, или как там его звали. – Вы и есть сбежавший сын аптекаря, не так ли? Многолетняя разлука, немного маскарада, и в деревне вас не распознали.

– Вижу, вам известно все, – процедил мсье сквозь зубы. – Поразительная проницательность! Я бы сказал, проницательность...

– Но-но! – Максимов пригрозил ему револьвером. – Поделикатнее, сударь! С трех шагов я не промажу.

– Труднее всего было раскрыть фокус с записками, – продолжала Анита. – Но я подумала вот о чем. Захудалая приграничная деревенька. Писем почти никто не пишет, почтовые служащие отвыкли от работы. И вдруг – целый вал корреспонденции, причем с одинаковым содержанием. Если цензор поначалу и просматривал эту галиматью – точки, черточки, квадратики, – то впоследствии махнул рукой. Я сама это видела на днях... В них никто не вглядывался, не изучал досконально. А между тем они очень важны.

– Чем же? – не отставал Максимов.

– Тем, что это не просто путаница знаков, а схема прибрежных французских вод. То есть на большинстве записок она бессмысленна, но на одной – той, ради которой все и затевалось, – обозначен точный фарватер, позволивший кораблю сеньора Джузеппе обойти мели, рифы, сторожевые суда и прибыть сюда незамеченным.

– Но почему письмо нельзя было отправить безо всяких ухищрений?

– Имелся риск, что его перехватят и вычислят отправителя. Ведь оно было послано в Италию. Вспомни, с каким пристрастием нас досматривали на границе. Нет, Алекс, письмо должно было затеряться в грудe ему подобных, как лист в твоём любимом псковском лесу. Деревенские рыбаки, убежденные, что на записках лежит проклятие, рассылали копии куда придется. А у многих есть родня в соседних странах... Перегруженная почта утратила бдительность.

– А ты видела то... настоящее письмо?

– Разумеется. Ради него я и устроилась помощницей господина почтмейстера. Я следила рисунки, особенно в записках, адресованных иностранным получателям, и нашла то, что искала.

– И вы никому ничего не сказали? – усомнился блудный аптекарский отпрыск. – Позволили письму уйти по назначению?

– Понимаете... Я не хочу вмешиваться в политику, и Алекс тоже. Подозреваю, что сеньор Джузеппе прибыл сюда, чтобы забрать груз, необходимый ему для сопротивления французским войскам в Риме. Ружья, порох, ядра... Все это, скорее всего, закопано в масонском подземелье – это надежное убежище, и оно выходит прямо к морю. Возможно, на борт должны

прибыть наемники, но нам нет до них дела. Все равно, кто победит в вашей войне, меня она не касается.

– Так что же вам угодно, сударыня? – с прохладцей спросил Гарибальди. – Отступные за молчание?

– *Dios mio!* Какого же вы гадкого мнения о моей персоне... У нас с Алексом достаточно средств, я не собираюсь выступать в роли вымогательницы. Но рассудите сами: эта бедная деревня пострадала... она погружена в хаос, который уляжется еще не скоро. Да и впоследствии обо всем этом будут вспоминать с содроганием. К тому же семьи, у которых и так денег негусто, потратились на эти глупейшие письма. А у Плешивого Гастона мсье Гаше еще и амбар подпалил... Вам не кажется, что люди заслуживают компенсации?

Сеньор Джузеппе поднял правую руку, точно готовился дать клятву.

– Пусть будет так. Мой помощник, – он бросил суровый взгляд на развенчанного винодела, – проявил недюжинную хитрость, но кое в чем перестарался. Я возмещу убытки. Каждая семья найдет на пороге своего дома кошелек с двадцатью франками. Это равняется их среднему месячному доходу. Как, по-вашему, соразмерное вознаграждение за причиненные неудобства?

– Вполне, сеньор, – не стала торговаться Анита.

– Но каким образом это устроить? – вновь подал голос похититель черепов.

– Вот вы все и устроите, мой дорогой Лоран, – наградил его усмешкой итальянский герой. – Вы же у нас такой изобретательный...

Над морем уже брезжил рассвет, когда Анита и Алекс возвращались домой. Деревня хранила гробовое молчание. Никто не высовывался из домов и, соответственно, не мог видеть, как по песчаной отмели сновали матросы, грузившие на шхуну ящики с боезапасом. Максимов опасно оглянулся.

– Знаешь... я бы на их месте нас пристрелил. Где гарантия, что мы не сдадим их жандармам?

– Хорошо, что ты не на их месте, – отозвалась Анита. – Я была наслышана о сеньоре Джузеппе и уверена, что он поведет себя как истинный джентльмен.

Максимов помолчал, а потом спросил то, что давно вертелось на языке:

– Ну а та записка, которую я выловил в море? Что ты с ней сделаешь? Сохранишь для истории?

– Вот еще! – Анита фыркнула, словно он сморозил несусветную чепуху. – Я выбросила ее сразу же, как только сообразила, в чем дело. Ридикюль у меня и так невелик. Таскать в нем бесполезный мусор – это не по мне...

Елена Логунова. Юстас – Алексу

Мой тщательно взлелеянный прекрасный план неожиданно поломался, но тут же вместо него возник новый, просто гениальный.

Я никогда не затруднялась с фантазиями и планами. Соображалка у меня работает – будь здоров!

Не то что у моей сестрицы Алки. Та всегда была тугодумкой.

Папа наш дипломатично говорит, что у его старшей дочери немного хромает логика.

Ха-ха, немного хромает!

Да Алкина логика едва ковыляет, дунь на нее – завалится.

В школе Аллочка еле-еле вымучила свою серебряную медаль, над учебниками физики, химии и математики корпела ночами. С упорством-то у нее проблем отродясь не бывало, она если встанет на чем – с места не сдвинешь без бульдозера.

Внешне мы с ней похожи: Алка и я, старшая сестра и младшая, а вот по характеру – волна и камень, стихи и проза, лед и пламень. Но при этом между собой прекрасно ладим, даже помогаем друг другу.

Как говорится, мы разные, но вместе – команда.

Алка за меня как-то целый учебный год вела «Дневник наблюдений» – это была дурацкая придумка нашей учительницы по биологии. Скучища смертная: самая натуральная зеленая тоска с ежедневной фиксацией температуры воздуха, давления и состояния живой природы, доступной для обозрения в окна городской квартиры.

Я бы померла, если бы каждое божье утро начинала с пытливого взгляда на уличный термометр! А Алка ничего – даже с удовольствием аккуратно записывала в специальную тетрадку: «Второе марта, температура воздуха в 7:00 плюс три градуса выше нуля по Цельсию, атмосферное давление в норме, сосульки на крыше тают, слышна капель в темпе аллегро модерато».

Алка, пока я в шахматную секцию ходила, в музыкалке училась.

Зато она знатно тупила над задачками из выданного ей в автошколе учебника, тогда как я щелкала их точно орешки и доступно объясняла старшей сестре, какова последовательность действий водителей в первые минуты после ДТП без пострадавших и почему в случае, если не видны знаки приоритета или тип покрытия, водитель должен считать, что находится на второстепенной дороге.

Честно говоря, если бы не я, Аллочка вряд ли бы получила водительские права! Мы обе это понимаем, потому-то она и согласилась с моим планом, который потом вдруг поломался.

– Конечно, я дам тебе порулить, – пообещала сестрица еще до выезда из нашего городского двора, где была аккуратно припаркована ее почти новая «Лада Калина».

Родители расщедрились и подарили старшей дочери на окончание института собственную машинку. Недорогую, слегка подержанную, но вполне симпатичную – я бы визжала от восторга, если бы это мне папа с мамой такой презентище сделали.

– Получишь диплом о высшем образовании и права – будет тебе собственная машинка, – пообещали мне родители.

Не верить им оснований не было, но только когда еще я получу свой диплом? Я же пока только поступила в универ.

А порулить отчаянно хотелось – ведь правила дорожного движения я вместе с Алкой выучила так, что от зубов отскакивали, а вот практики получила пока суший минимум.

Папа пару раз сжалился и пустил меня на место водителя на пустой грунтовке к даче – вот и весь мой реальный шоферский опыт. Правда, на виртуальных треках в компьютерных играх я погоняла – будь здоров! В онлайн я уже практически Шумахер. В офлайн же

пока надежда лишь на Алку. Та твердо обещала, что обеспечит мне практику вождения. Не на трассе, конечно, а где-нибудь на проселке с абсолютным минимумом движения.

И я заранее, еще дома, подыскала подходящий.

– Смотри, – сказала я сестре, когда мы с ней уже прибыли в приморский городок, и потыкала пальчиком со свеженьким маникюром в гугл-карту на экране смартфона. – Вот тут от шоссе вдоль моря отходит боковая дорога, она неширокая и, по сути, никуда не ведет, на ней никаких населенных пунктов...

– Зачем тогда дорога? – Алла методично разбирала свой чемодан, развешивая и раскладывая извлеченные из него вещи в идеальном порядке.

Мой чемодан валялся посреди комнаты на боку, как перевернутая черепаха. Зажатый молнией рукав рубашки торчал наружу, точно хвост или хобот, и было похоже, что гигантская черепаха проглотила небольшого слона. Меня это зрелище веселило, Алку – нервировало. Сестрица большая аккуратистка и не выносит творческого беспорядка.

Мы с ней только вселились в гостиничный номер, где собирались жить целую неделю. Семь дней у моря – вдвоем, как большие, без мамы и папы! Такого еще не бывало.

Пожалуй, неплохо, что Алка наконец окончила свой институт и приобрела в глазах родителей новый статус – «совсем взрослая дочь». Теперь на нее можно возлагать ответственность за меня, еще не совсем взрослую. Хотя, по-моему, семнадцать лет и десять месяцев – уже вполне солидный возраст.

– Дорога нужна, чтобы подъехать к дольмену. – Я увеличила изображение на экране и показала сестре фотографию сооружения, похожего на большую собачью будку из массивных каменных плит. – Это местная достопримечательность из разряда «маст визит», магнит для туристов, загадочная конструкция времен мегалита.

Я понизила голос до таинственного шепота и округлила глаза, но Алка не прониклась. Мистика с фантастикой – не ее профиль. Она на юридическом отучилась.

– Там, говорят, периодически возникает аномальная зона: приборы сами собой отключаются, мобильники глючат, иногда вспыхивают таинственные разноцветные огоньки! – Я добавила драматизма, надеясь достучаться до скучной и нудной сестрицы. – Мы просто не можем пройти мимо всего этого!

– Я бы запросто прошла, – пожала точеными плечами невозмутимая Алка. – Но ты, понятное дело, обойти вниманием хоть что-то аномальное не в состоянии. Тогда вопрос: туда только на своей машине добраться можно?

– Исключительно на своей! Ну, или с организованной экскурсией, но это же пошло. – Я скривилась.

– С этим я согласна, экскурсии – фу. Второй вопрос: не будет ли на том проселке слишком много машин? – Моя сестра – сама дотошность. – Говоришь, достопримечательность «маст визит»...

– Так мы же не днем туда поедem, а ночью, когда все нормальные туристы с проселка уже уберутся! – обрадовалась я. – Вернее, мы отправимся вечером. Смотри, план такой: сначала мы закатимся на пляж, вот тут есть прекрасное место, где прямо из машины можно с песчаного берега полюбоваться закатом. Посмотрим, как красное солнышко сядет в синее море, а потом сгоняем к дольмену! Чур, я за рулем!

– Во-первых, море не синее, а Черное, – поправила меня эта жуткая зануда.

Я только хмыкнула.

– А во-вторых, мы ни в коем случае не сгоняем, а съездим неторопливо и со всей возможной осторожностью, – сказала Алка так назидательно, будто это не она сдала теорию вождения со второй попытки, а практику – вообще с третьей.

Но она хотя бы не отвергла мой блестящий план – и на этом спасибо.

В приподнятом настроении по поводу предстоящего вечернего выезда я пребывала до самого ужина. Но потом, когда мы с сестрицей возвращались в гостиницу из кафе, где наелись восхитительных хачапури, случилось непредвиденное и страшное.

К нам подошел парнишка с пачкой цветных бумажек и всучил Алке флайер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.